

А.Н. Гиляров

**Греческие софисты, их
мировоззрение и
деятельность в связи с общей
политической и культурной
историей Греции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Н. Гиляров**
Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции / А.Н. Гиляров – М.: Книга по Требованию, 2014. – 218 с.

ISBN 978-5-518-01304-9

ISBN 978-5-518-01304-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Настоящее изслѣдованіе составляетъ третью часть предпринятаго мною труда о греческихъ софистахъ. Изъ множества вопросовъ, „которыми софисты ограждаютъ себя отъ изслѣдователя“, оно пытается рѣшить во всей полнотѣ только два: о томъ, кто были греческіе софисты, и о связи ихъ міровоззрѣнія и дѣятельности съ общей политической и культурной исторіей Греціи. Вторая часть будетъ содержать критику источниковъ, подробное обзорѣніе всего того, что намъ извѣстно о каждомъ софистѣ въ отдѣльности, и критическую оцѣнку софистическихъ теорій. Въ третьей я изложу исторію философскаго служенія Сократа, имя и дѣятельность котораго неразрывно связаны съ именами и дѣятельностью софистовъ.

Для знающихъ, что въ данномъ случаѣ требуется отъ критика, должно быть вполне ясно, почему я, хотя и ссылаюсь въ настоящей части на источники, не начинаю съ ихъ критики, а отношу ее къ началу второй части. Свидѣтельства главнаго повѣствователя о софистахъ, Платона, возбуждаютъ въ критикахъ недоувѣріе въ особенности вслѣдствіе недоброжелательныхъ, вызванныхъ будто бы исключительно его личною философскою точкой зрѣнія, замѣчаній объ аѣинской демократіи, служителями которой были софисты. Пока мы не узнаемъ, какова была въ дѣйствительности эта демократія, мы не будемъ въ состояніи судить и о томъ, правильны или нѣтъ Платоновы сужденія о ней. Въ настоящемъ изслѣдованіи я даю характеристику аѣинской демократіи на основаніи разнообразныхъ источниковъ. Каково бы ни было мнѣніе объ этой характеристикѣ, она покажетъ во всякомъ случаѣ, что все то, что Платонъ говоритъ о нравственныхъ идеалахъ, одушевлявшихъ аѣинянь временъ охлократіи, подтверждается и всѣми другими современными ему писателями—историками, риториками, поэтами и философами. Въ слѣдующей части рядомъ доводовъ я постараюсь поставить внѣ сомнѣнія, что вполне согласны съ исторической истиной и во всякомъ случаѣ ей не противорѣчатъ свидѣтельства Платона и объ упоминаемыхъ и выводимыхъ имъ въ діалогахъ историческихъ лицахъ и что у него не было никакой причины клеветать на однихъ только софистовъ. Изъ приведенныхъ въ настоящемъ

II

изслѣдованіи различныхъ отзывовъ о софистахъ всякій можетъ убѣдиться, что отзывы Платона и Аристотеля менѣе недоброжелательны, чѣмъ всѣ остальные.

Не много мнѣ нужно словъ и для оправданія, почему я вхожу въ подробности современнаго софистамъ греческаго быта. Софисты были общественные дѣятели: для того, чтобы понять значеніе и смыслъ ихъ дѣятельности, необходимо знать среду этой дѣятельности. Слѣдуя Платону, я стараюсь доказать, что софисты были лишь выразители общественной нравственности своего времени; самая задача моего изслѣдованія такимъ образомъ требовала, чтобы я представилъ возможно полную и яркую картину этой нравственности. Главное правило, которымъ я при этомъ руководствовался—говорить какъ можно меньше самому и какъ можно больше словами первоисточниковъ. Но сообщаемыя послѣдними бытовые особенности не могутъ быть понятны безъ комментарія лицамъ, мало знакомымъ съ греческою стариною. Вотъ причина, по которой я счелъ нужнымъ пояснить примѣчаніями приводимые мною отрывки изъ Аристофана.

Съ презрѣніемъ посмотреть на эти отрывки и на эти примѣчанія, какъ и вообще на весь мой чисто историческій методъ изслѣдованія, тѣ изъ философовъ, которые привыкли считать достовѣрными только доводы отвлеченной мысли и не придавать значенія свидѣтельству опыта—въ особенности „изменнаго“. Но на мой взглядъ имѣеть цѣну лишь та философія, которая объясняетъ жизнь, и при томъ не произвольно, а на основаніи того, что дается самою жизнью. Среди этихъ данныхъ ничтожная на первый взглядъ мелочь способна пролить свѣта больше, чѣмъ глубокомысленное, но неимѣющее подъ собою почвы житейскаго опыта разсужденіе. Про Лейбница разсказываютъ, что онъ съ любовью бралъ съ вѣтки наѣкомое и, рассмотрѣвъ подъ микроскопомъ, бережливо относилъ назадъ, благодарный за то знаніе, которое оно ему доставило. Не вижу причины, почему бы подробности человѣческаго быта могли интересовать философа меньше, чѣмъ подробности строенія наѣкомаго.

I.

Литературныя указанія. — Измѣнчивая судьба софистовъ.. — Старое и новое мнѣніе о нихъ. — Взглядъ Грота на софистовъ и Сократа. — Свидѣтельства Платона. — Заблужденія новыхъ историковъ философіи по Гроту. — Софистическій характеръ Гротовой защиты. — Задачи предстоящаго труда.

Въ исторіи философіи не найдется другаго примѣра такой измѣнчивой судьбы, какую испытали греческіе софисты ¹⁾. Встрѣченные

---

¹⁾ Главнымъ источникомъ для исторіи софистовъ служатъ діалоги Платона, затѣмъ — сочиненія Аристотеля, Исократы, Ксенофонта, Диогена Лаерція, Секста Емпирика, Филострата, Цицерона, Квинтиліана, Авла Геллія и др. Въ настоящемъ изслѣдованіи сдѣланы ссылки на слѣдующія изданія этихъ авторовъ: *Platonis opera ex rec. Hirschigii*, Paris 1846—1873; *Aristotelis opera*, ex rec. Imm. Bekkeri, ed Acad. Regia Borussica, Berolini, 1831—1870; *Xenophontis scripta quae supersunt*, ed. Didot, Paris 1853; *Isocratis orationes*, recogn. Fr. Blass, Lips. 1882; *Diogenis Laertii de clarorum philosophorum vitis*, rec. C. Cobet, Paris, 1872; *Sexti Empirici opera*, ed. A. Fabricius, Lips. 1841; *Fl. Philostrati quae supersunt*, ed. C. L. Kayser, Tur. 1853; *Ciceronis scripta quae manserunt omnia*, rec. R. Klotz., Lips. 1851—1856; *Quintiliani Institutiones oratoriae*, rec. Bonnel, Lips. 1882; *Auli Gellii Noctium atticarum libri XX*, rec. M. Hertz, Lips. 1853. Изъ новыхъ трудовъ я пользовался слѣдующими: *Cresolitesaurum veterum rhetorum, oratorum, declamatorum, quos in Graecia nominabant σοφιστὰς expositum libris V.* (Thesaurus graecarum antiquitatum contextus et designatus a Gronovio, vol. X, Lugd. Batav. 1701, p. 1—247); Geel, *Historia critica sophistarum, qui Socratis aetate Athenis floruerunt*, Utrecht, 1823; Spengel, *Συναγωγή τεχνῶν* Stuttg. 1828; Roller, *die Griechischen Sophisten zu Socrates und Platons Zeit und ihr Einfluss auf Beredsamkeit und Philosophie*, Stuttg. 1832; Baumhauer, *quam vim Sophistae habuerint Athenis ad aetatis suae disciplinam, mores ac studia immutanda*, Traj. Bat. 1844; Wecklein, *die Sophisten und die Sophistik nach den Angaben Platon's*, Würzb. 1865; Schanz, *Beiträge zur vorsokratischen Philosophie aus Platon*, I Heft. Die Sophisten, Götting. 1867; Blass, *Attische Beredsamkeit*, I, Leipz. 1868; Funck Brentano, *Les sophistes grecs et les sophistes contemporains*, Paris, 1879; Siebeck, *das Problem des Wissens bei Socrates und der Sophistik*, Halle, 1870; того же автора: *Ueber Socrates Verhältniss zur Sophistik*, Halle, 1873 (Untersuchungen zur Philosophie der Griechen, I); Bethe, *Versuch einer sittlichen Würdigung der sophistischen Redekunst*, Stade, 1876. Meiners, *Histoire de l'origine, des progrès et de la décadence des sciences dans*

при первомъ своемъ появленіи съ восторгомъ ¹⁾, они почти вслѣдъ за тѣмъ навлекли на себя позоръ ²⁾, который тяготѣлъ надъ ними болѣе двадцати двухъ столѣтій. За исключеніемъ небольшого числа ихъ сторонниковъ во времена упадка классической древности — нѣсколькихъ риторовъ и грамматиковъ ³⁾—всѣ остальные привыкли за все это время на нихъ смотрѣть какъ на людей нравственно-презрѣнныхъ, а на ихъ философскія воззрѣнія какъ на легкомысленную, хотя и блестящую, игру ума, несогласную ни съ достоинствомъ науки, ни съ истиной ⁴⁾. Но съ конца прошлаго вѣка судьба ихъ снова измѣняется. На защиту ихъ выступаютъ передовые люди науки, знаменитые философы. Сначала беретъ ихъ подъ свое покровительство Бар-

---

la Grèce, trad. par Laveaux, t. III, p. 113—312; Tenneman, Geschichte der Philosophie, 1-r B., Leipz. 1798, S. 344—402; Hegel, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, her. v. Michelet, 2-r Th., 2-te Aufl. B. XIV, S. 35—39; Ritter, Geschichte der Philosophie alter Zeit, 1-r Th., 2-te Aufl., Hamb. 1836, S. 576—659; Hermann, Geschichte und System der Platonischen Philosophie, Heid. 1838, S. 179—217; Brandis, Handbuch der Griechisch-römischen Philosophie, 1-r Th., Berl. 1835, S. 516—548; того же автора: Geschichte der Entwicklungen der griechischen Philosophie, 1-te Hälfte, Berl. 1862, S. 205—219; Strümpell, Geschichte der theoretischen Philosophie der Griechen, Leipz. 1854, S. 92—100; того же автора Geschichte der practischen Philosophie der Griechen, Leipz. 1861, S. 23—72; Zeller, Philosophie der Griechen, 1-r Th., 1-te Abth., 4-te Aufl., S. 932—1041; Schwegler, Geschichte der griechischen Philosophie, herausg. v. Köstlin, 3-te Aufl., Freib. 1882, S. 101—115; Ziegler, Geschichte der Ethik. I, Bonn, 1881, S. 38—53; Ueberweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie, 1-r Th. 7-e Aufl., Berl. 1886, S. 92—104; Lewes, History of Philosophy, 5-th ed. London, 1880, I, p. 106—126; Grote, History of Greece, a new ed. 1869, vol. V, Ch. LXVI, p. 257—262, vol. VI, Ch. LV, p. 305—310, vol. VIII, Ch. LXVII, p. 150—204; Plato and the other Companions of Socrates, 3-d ed., Lond. 1875; Aristotle, 3-d ed. London, 1883; Benn, The greccs Philosophers, London, 1882, I, p. 53—107; Grant, The Ethics of Aristotle, 4-th ed. London, 1885, I, p. 105—155; Blackie, Horae Hellenicae, Lond. 1874, p. 197—216; Bénard, La philosophie ancienne I, Paris, 1885, p. 248—365; ср. того же автора: Platon Gorgias, précédé d'une étude philosophique sur Gorgias et suivi d'un essai sur la sophistique et les sophistes, Paris, 1865; Frei, Beiträge zur Geschichte der griechischen Sophistik, Rhein. Mus., N. F., VII, 1850, S. 527—554, VIII, 1853, S. 268—279; Vitringa, de Sophistarum scholis, quae Socratis ætate Athenis floruerunt, Mnemosyne, II, 1853, S. 223—237; T. Comperz, die griechischen Sophisten, Deutsche Jahrb., VII, 1858; Sidgwick, The Sophists, Journal of Philology, IV, 1872, p. 288—306. О. Коршъ, Критическое обозрѣніе, Москва, 1880, «Евтидемъ, діалогъ Платона» стр. 27—41. Остальная литература, касающаяся частныхъ вопросовъ въ исторіи софистовъ, будетъ приведена на своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Plato, Apol. 19, E; Protag. 310, B, сл.; Meno, 91, D, сл.; Hipp. Maj. 282, B, сл.; De Rep. 600, C, сл. и др.

²⁾ Ср. приведенные въ слѣдующей главѣ отзвмы о софистахъ.

³⁾ См. ниже, стр. 7, пр. 3.

⁴⁾ Сводъ различныхъ мнѣній о софистахъ въ древности и въ новое время (весьма, впрочемъ, поверхностный и неполный) у Bénard, Philosophie ancienne.

телеми ¹⁾, затѣмъ возстановляетъ въ правахъ Гегель ²⁾, наконецъ прославляютъ во имя справедливости Льюисъ и Гротъ ³⁾. Приговоръ вѣковъ отмѣненъ какъ несостоятельный; всѣ обвинения съ софистовъ сняты, не только доброе имя ихъ возстановлено, но они возвеличены какъ никогда прежде. Ради спасенія ихъ чести воспроизведены враждебные отзывы древней критики о Платонѣ, какъ всеобщемъ клеветникѣ и насмѣшникѣ ⁴⁾; его свидѣтельства о нихъ приравнены тому, что говоритъ Аристофанъ о Сократѣ ⁵⁾; замѣчанія Аристотели о софистахъ объявлены лишенными философскаго смысла ⁶⁾. Не менѣе ошибочнымъ оказывается и прежнее мнѣнiе о Сократѣ. Онъ вовсе не былъ противникомъ софистовъ и ерестиковъ, какъ обычно-

---

¹⁾ Barthelemy, Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, 3-me éd. Paris, 1790. Этотъ ученый изъ новыхъ первый, ссылался на авторитетъ враждебной Платону древней критики, объявилъ его свидѣтельства о софистахъ насмѣшками, t. 4, p. 284, sq.

²⁾ Гегель видитъ въ софистахъ явленiе не случайное, но необходимое въ исторiи каждаго народа въ извѣстный моментъ его жизни (Hegel, Vorles. üb. die Geschichte der Philosophie, II, S. 19, 32; Encyclopädie, hsg. v. Henning, 2-te Aufl., Berl. 1843, S. 248); предостерегаетъ отъ злоупотребленiя враждебнымъ значенiемъ слова «софистъ» (Vorles. S. 7); указываетъ на заслуги софистовъ и въ особености на то, что Грецiя обязана своимъ образованiемъ и просвѣщенiемъ (Bildung, Aufklärung) именно софистамъ (ibid S. 8); называетъ ихъ спекулятивными философами и глубокими мыслителями (ibid. 39). Ср. также Hegel, Philosophie der Geschichte, II, 328, f. Подробно о взглядѣ Гегеля на софистовъ у Bénard, Philosophie ancienne, p. 252—278.

³⁾ Первое изданiе Гегелевыхъ «Vorlesungen» вышло въ 1833 г. (онѣ обнимаютъ собою курсы 1806—1831 годовъ); Гротова «History of Greece» появилась между 1846 и 1855 годами; Льюисъ вмѣняетъ себѣ въ заслугу то, что онъ на пять лѣтъ предупредилъ Грота, выставивъ новый взглядъ на софистовъ (Lewes, History of Philosophy, I, p. 106). Главу о софистахъ Льюисъ начинаетъ словами: The Sophists are a much calumniated race. That they should have been so formerly is not surprising; that they should be so still, is an evidence that historical criticism is yet in its infancy. In raising our voices to defend them we are aware of the paradox; but looked at nearly, the violation of probability is greater on the side of those who credit and repeat the traditional account. In truth, we know of few charges so unanimous yet so improbable as that brought against the Sophists. Ср. Grote, History of Greece, VIII, p. 150: If ever there was need to invoke this rare sentiment of candour, it is when we come to discuss the history of the persons called Sophists, who now for the first time appear as of note, the practical teachers of Athens and of Greece, misconceived as well as misesteemed.

⁴⁾ См. ниже, стр. 7, пр. 3.

⁵⁾ Lewes, History of Philosophy, I, p. 106, sq.: It is as if mankind had consented to judge of Socrates by the representation of him in «The Clouds». The caricature of Socrates by Aristophanes is quite as near the truth as the caricature of the Sophists by Plato; with this difference, that in the one case it was inspired by political, in the other by speculative antipathy. Grote, Plato, I, p. 527, 536, 549.

⁶⁾ Grote, Plato, I, p. 542. Ср. также Aristotle, p. 382 sq.; 394 sq.

венно полагали; наоборот—онъ былъ софистомъ изъ софистовъ ¹⁾ и еристикомъ изъ еристиковъ ²⁾. Все, что Платонъ говоритъ о софистахъ, скорѣе всего относится къ Сократу ³⁾; вмѣсто безсмысленнаго слова софистика слѣдуетъ говорить сократика ⁴⁾. Единственная разница между софистами и Сократомъ въ томъ, что первые были люди практичные и учили за плату, а Сократъ смотрѣлъ на торговлю мудростью какъ на недостойное и рабское дѣло, и потому не бралъ денегъ за свои бесѣды ⁵⁾; во всемъ остальномъ Сократъ, если смотрѣть на софистовъ какъ на вражью силу, былъ среди нихъ тѣмъ же, чѣмъ между дьяволами Вельзевулъ ⁶⁾. Но предрасудокъ, заставлявшій Сократа не брать съ учениковъ денегъ, имѣлъ въ исторіи софистовъ роковое значеніе. Онъ былъ вполне усвоенъ Платономъ, который, какъ великій теоретикъ и социалистъ ⁷⁾, шелъ къ тому же въ разрѣзъ съ господствовавшими нравственными убѣжденіями и потому вдвойнѣ возненавидѣлъ платныхъ наставниковъ въ ходячей добродѣтели ⁸⁾. Для названія особенно выдающихся между ними онъ счелъ наиболѣе подходящимъ слово софистъ, обозначающее умственную знаменитость въ связи съ ненавистной ассоціаціей ⁹⁾. „Блестящій геній, продолжительное вліяніе и частая полемика Платона (говоритъ главный защитникъ софистовъ—Гротъ ¹⁰⁾), заклеили этимъ именемъ лицъ, противъ которыхъ онъ писалъ, какъ будто это было ихъ признанное, законное, имъ только принадлежащее обозначеніе; хотя достовѣрно то, что еслибы среди Пелопоннесской войны какой-нибудь афинянинъ былъ спрошенъ, кто главные софисты въ вашемъ городѣ, онъ прежде всего бы назвалъ Сократа, такъ какъ Сократъ былъ въ одно и то же время выдающимся учителемъ и лично непопулярень; а именно таково было сочетаніе качествъ, которое обыкновенная публика естественно

¹⁾ Grote, History of Greece, V, p. 260; VIII, p. 155. (См. слѣд. стр.). Plato II, p. 428—431.

²⁾ Grote, Plato, I, p. 534—536; III, 479: Socrates the most persevering and acute Eristic of his age. Index, p. 65: Socrates the greatest Eristic of his age.

³⁾ Grote, Plato, II, p. 428—431.

⁴⁾ Ibid. I, p. 260: Instead of unmeaning abstract «Sophistik» given by Zeller and others, we ought properly to insert the word «Sokratik», if we are to have any abstract term at all.

⁵⁾ Grote, History of Greece, VIII, p. 153; Plato, II, 431.

⁶⁾ Grote, Plato, I, 395: Critics... do not like to see Socrates employing sophistry against the Sophists: that is, as they think, casting out devils by the help of Beelzebub.

⁷⁾ Grote, History of Greece, VIII, p. 204.

⁸⁾ Ibid. p. 158.

⁹⁾ Ibid. p. 155.

¹⁰⁾ Ibid. p. 155.

выражала словомъ софистъ. Платонъ не только изъясъ это имя изъ общаго употребленія, чтобы закрѣпить специально за своими противниками, учителями изъ-за платы, но также связалъ съ нимъ крайне безчестные атрибуты, которые вовсе не входили въ его первичное признанное значеніе, и были совершенно различны отъ неопредѣленнаго чувства недюбви, связаннаго съ этимъ словомъ, хотя и были привиты къ этому чувству. Аристотель, слѣдуя примѣру своего учителя, далъ слову софистъ опредѣленіе въ сущности тождественное съ тѣмъ, которое оно имѣетъ въ современныхъ языкахъ—„софистъ—это обманщикъ, имѣющій притязаніе на знаніе, человѣкъ употребляющій то, что ему извѣстно за ложь, ради обмана и пріобрѣтенія денегъ“. „Вторая половина V вѣка до Р. X. (читаемъ мы далѣе у Грота ¹⁾) обыкновенно обозначается въ исторіи философіи какъ вѣкъ Сократа и софистовъ. О софистахъ говорили какъ о новомъ классѣ людей или иногда въ такихъ выраженіяхъ, которыя подразумевали новую ученую доктрину или школу, какъ будто софисты тогда въ первый разъ появились въ Греціи—чванные шарлатаны, лъстящіе и обманывающіе богатыхъ юношей ради своей личной выгоды, подкапывающіе въ Аѣинахъ общественную и частную нравственность и поощряющіе своихъ учениковъ къ безсовѣстному потворству честолюбію и жадности. Сократа, напротивъ, обыкновенно изображали какъ святаго человѣка, борющагося съ этими лжепророками и избличающаго ихъ, какъ неутомимаго поборника нравственности противъ ихъ коварныхъ уловокъ. Но хотя появленіе человѣка, столь сильно оригинальнаго, какъ Сократъ, было новымъ фактомъ невыразимой важности, появленіе софистовъ вовсе не было новымъ фактомъ: что было новаго, такъ это особое употребленіе стараго слова, которое Платонъ лишилъ его обычнаго значенія (took out of its usual meaning) и укрѣпилъ за выдающимися платными учителями Сократова вѣка“. Несмотря однако на то, что о такъ-называемыхъ софистахъ мы знаемъ главнымъ образомъ изъ свидѣтельствъ ихъ „отъявленнаго врага“ Платона, даже и его свидѣтельства, если ихъ построить правильно и взять въ цѣломъ, не могутъ уполномочить къ тѣмъ обвиненіямъ въ безнравственномъ ученіи, ложномъ притязаніи на мудрость и т. д., которыя современные историки философіи громкимъ хоромъ возводятъ на софистовъ ²⁾. У этихъ историковъ вошло въ обычай „переводить изъ Платона и выставять вражью силу подъ названіемъ „софистика“ (dress up the fiend called „Die Sophistik“), которая, по ихъ

¹⁾ Ibid. p. 156.

²⁾ Ibid. p. 164.

увѣренію, совращающимъ ученіемъ отравила и деморализовала аѳинскій нравственный характеръ, такъ что онъ сталъ испорченнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ былъ во время Мильтіада и Аристида. Но, чтобы абстракція „софистика“ могла получить какое-нибудь опредѣленное значеніе, мы должны имѣть доказательства того, что люди, именуемые софистами, имѣли какіе-нибудь доктрины, принципы или методы, общіе имъ всѣмъ и отличающіе ихъ отъ другихъ. Такое предположеніе не вѣрно: не существовало общихъ принадлежавшихъ имъ доктринъ, принциповъ или методовъ ¹⁾. Даже имя, подъ которымъ они извѣстны, принадлежало имъ не больше, чѣмъ Сократу и другимъ; у нихъ не было ничего общаго, кромѣ ихъ профессіи платныхъ учителей, подготовлявшихъ молодыхъ людей „мыслить, говорить и дѣйствовать“ ради пріобрѣтенія къ себѣ довѣрія среди гражданъ. Но и эта общность профессіи не подразумѣвала въ то время такого аналогичнаго характера, какъ теперь, когда путь обученія пробить въ широкую и торную большую дорогу съ размѣренными разстояніями и установленными промежутками ²⁾. Еслибы поэтому и было справедливо, что въ періодъ отъ 480 г. и до конца Пелопоннесской войны произошло большое нравственное ухудшеніе въ Аѳинахъ и вообще въ Греціи, то мы должны искать для этого иной причины помимо измышленной абстракціи, именуемой софистикой“. На самомъ же дѣлѣ Аѳины въ концѣ Пелопоннесской войны были не только не болѣе развращены, чѣмъ Аѳины въ дни Мильтіада и Аристида, но даже стали въ нравственномъ и политическомъ отношеніи лучшими ³⁾, и этимъ улучшеніемъ онѣ обязаны главнымъ образомъ софистамъ. Софисты отвлекали молодыхъ людей отъ праздної жизни и борьбы партій, обогащали ихъ умъ самыми хорошими идеями и чувствами, знакомили съ общими обязанностями человѣка и гражданина, раскрывали

---

¹⁾ Въ доказательство Гротъ приводитъ то, что «Платонъ, въ своемъ діалогѣ «Протагоръ», гдѣ введены Протагоръ, Продикъ и Гиппій, надѣляетъ cadaго изъ нихъ особымъ типомъ характера и особымъ методомъ, не безъ сильной примѣси взаимной ревности между ними; между тѣмъ какъ Фразимахъ, въ «Государствѣ», и Евидемъ, въ діалогѣ этого имени, оиытъ изображены каждый своеобразными красками, отличающими ихъ отъ всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ». «Мы не знаемъ», говоритъ Гротъ, «насколько Горгій былъ согласенъ съ мнѣніемъ Протагора, что человѣкъ мѣра всѣхъ вещей, но мы можемъ заключать даже изъ самого Платона, что Протагоръ воспротивился бы взглядамъ, выраженнымъ Фразимахомъ въ первой книгѣ «Государства». (Grote, History of Greece, VIII, p. 175).

²⁾ Ibid. p. 174—175.

³⁾ Ibid. p. 178: It is my belief that the people had become both morally and politically better.

зерна нравственности, положенныя въ древнихъ легендахъ, оживляли чувства всеелинскаго братства и т. д.¹⁾ Однимъ словомъ, въ исторіи мало характеровъ, съ которыми бы обходились столь жестоко, какъ съ такъ-называемыми софистами: они несутъ наказаніе за свое имя въ его современномъ значеніи²⁾.

Своеобразность, смѣлость и кажущаяся убѣдительность этого новаго мнѣнія³⁾, которое выступаетъ у Грота во всеоружіи самой широкой учености и увлекательнаго краснорѣчія, сдѣлали то, что оно многими считается послѣднимъ словомъ науки, безповоротнымъ приговоромъ исторіи⁴⁾. И дѣйствительно, только слѣпая приверженность старинѣ можетъ не признать, что Гротъ горячимъ разоблаченіемъ крайностей стараго мнѣнія не мало способствовалъ болѣе правильному взгляду на софистовъ. Но, читая внимательно составленную Гротомъ съ великимъ ораторскимъ искусствомъ рѣчь на защиту софистовъ, нельзя не замѣтить, что онъ нерѣдко прибѣгаетъ въ ней къ тѣмъ самымъ приемамъ, которые сдѣлали изъ слова софистъ позор-

¹⁾ Ibid. p. 203—204.

²⁾ Ibid. p. 164.

³⁾ Называя мнѣніе Грота новымъ, необходимо оговориться, что слово новый слѣдуетъ понимать въ этомъ случаѣ въ ограниченномъ смыслѣ. Большую часть того, что Гротъ говоритъ о софистахъ, говорили другіе раньше его. Такъ мнѣніе, что софисты существовали въ Греціи издревле, было высказано Протагоромъ (см. ниже, стр. 13, прим. 2); что Сократъ былъ софистомъ изъ софистовъ, на это указывалъ Аристофанъ въ «Облакахъ» и Андротіонъ (Aristid. XLVI, p. 407, Dind.: Ανδροτίων... προσείρηκε... Ἐσκράτη σοφιστῆν τοῦτον τὸν πάνυ; ср. также Aeschin, c. Timarch. 173); что слово софистъ имѣло къ древности не вполне опредѣленное значеніе и поэтому могло давать поводъ къ произвольнымъ обобщеніямъ и классификаціямъ,—это ставили на видъ Платонъ (въ «Софистѣ»), Исократъ (см. ниже, стр. 15, прим. 5), Аристидъ (l. c. p. 407, 408, 409); что Платонъ былъ отъявленнымъ врагомъ софистовъ и клеветалъ на нихъ—это мы слышимъ отъ Аэниэя и Аристида (Ath. XI, p. 505, sq.; Aristid. l. c.); послѣдній кромя того высказалъ мысль, которой Гротъ придаетъ такое большое значеніе,—что слово софистъ стало враждебнымъ благодаря стараніямъ Платона. (Aristid. l. c. p. 408: Πλάτων ὁ μάλιστα ἀνεπαίθετος τοῦτου τοῦ προσήματος... ἐπεὶ καὶ τὸν σοφιστῆν δοκεῖ μὲν πῶς κακίζειν αἰεὶ, καὶ ὁ γε δὴ μάλιστα ἐπαναστὰς τῆ ὀνόματι Πλάτων εἶναι μοι δοκεῖ). Новизна мнѣнія Грота состоитъ въ томъ, что онъ извлекъ изъ прежнихъ мнѣній и объединилъ все выгодное для софистовъ и невыгодное для Платона, и что онъ первый сталъ восхвалять великую добродѣтель софистовъ, тогда какъ прежніе ихъ заступники скромно о ней умалчивали.

⁴⁾ Ср. наприм. Mahaffy, History of Classical Greek Literature, Lond. 1880, II, p. 57: Grote was the first to dispel the cloud of misconception which had been diffused about the Sophists by ancient calumny and modern dulness, nor is there any part of his monumental history of Greece more enduring in value than the famous sixty—seventh and sixty—eighth chapters on this subject. Ср. также Sidgwick, Journal of Philology, vol. IV, № 8, 1872, p. 289.

ное имя¹⁾. Невольно приходится поэтому на мысль, что быть может дѣло софистовъ не всегда такъ право, какъ хотеть доказать ихъ име-

---

¹⁾ Доказательства будутъ приведены не одинъ разъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ настоящемъ случаѣ достаточно указать на главнѣйшія противорѣчія, парадоксы и софизмы:

1) Не смотря на то, что слово софистъ было во времена Платона въ общемъ употребленіи для обозначенія платныхъ учителей (Grote, History of Greece VIII, p. 153: Now when, in the period succeeding 450 B. C., the rhetorical and musical teachers came to stand before the public at Athens in such increased eminence, they of course as well as other men intellectually celebrated, became designated by the appropriate name of Sophists; *ibid.* p. 155: for Socrates was at once eminent as an intellectual teacher, and personally unpopular... and this was the precise combination of qualities, which the general public naturally expressed by a Sophist; *ibid.* 157: Protagoras, Gorgias and the rest... gained a distinction such as none of their predecessors had attained, were prized all over Greece, travelled from city to city with general admiration and obtained considerable pay. While such success, among men personally strangers to them, attests unequivocally their talent and personal dignity; of course it also laid them open to increased jealousy, as well from inferior teachers, as from the lovers of ignorance generally; such jealousy manifesting itself... by a greater readiness to stamp them with the obnoxious title of Sophists), Платонъ изъять это слово изъ общаго употребленія, чтобы закрѣпить за платными учителями (*ibid.* p. 155: Plato... stole the name out of general circulation in order to fasten it specially upon his opponents the paid teachers, *ср.* также всю выписку изъ Грота на стр. 4 и 5).

2) Софисты не имѣли никакихъ общихъ стремленій (tendencies, *ibid.* p. 175), но въ тоже время всё ставили одну и ту же цѣль—подготовлять молодыхъ людей въ дѣятельной жизни по правиламъ ходячей нравственности (*ibid.* p. 158—159 и др.); у софистовъ была общая профессія, но они не были классомъ (*см.* выше, стр. 5; *ср.* также Grote, Plato, I, 544; II, 115, 463; III, 163, 533); впрочемъ на стр. 204 History of Greece Гротъ соглашается, что софисты были «профессіей или классомъ».

3) Взглядъ софиста Пола на жизнь тиранна какъ на самую счастливую былъ взглядомъ всѣхъ афинянъ (History of Greece, p. 188: Polus... maintains no arguments which justify the charge of immorality against himself or his fellow-teachers. He defends the tastes and sentiments common to every man in Greece, and shared even by the most estimable Athenians—Periclès, Nikias and Aristocratès—въ этомъ Гротъ вполне согласенъ съ Платономъ (Gorg., 472, A; *ср.* также *ibid.* 511, B); тѣмъ не менѣ софисты не могли проводить деспотическихъ воззрѣній, такъ какъ эти воззрѣнія были возмутительны для демократическаго чувства (*ibid.* 189—196). Они не могли дѣлать этого еще и потому, что ихъ ученіе было въ высшей степени публично (History of Greece, p. 191: We know, that the teaching of the latter (i. e. Sophists) was public in the highest degree; publicity was pleasing as well as profitable to them); но черезъ нѣсколько страницъ мы читаемъ (p. 213), что all teachers (въ противоположность Сократу) either took money for their lessons, or at least, gave them apart from the multitude in a private house or garden, to special pupils with admissions and rejections at their own pleasure.

4) Въ доказательство того, что Афины послѣ Пелопоннесской войны стали въ политическомъ и нравственномъ отношеніи лучшими, Гротъ приводитъ слѣдующіе доводы (p. 176—178):